

СЛОВО О ПИСЬМЕННОСТИ

Объ представляет литератора Евгения Водолазкина, доктора филологических наук, сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом). Его исторический роман «Лавр» («победитель национальной литературной премии «Большая книга») написан удивительным языком, пропитанным древнерусскими текстами и глубинными смыслами жизни наших далеких предков. Этим сокровенным темам и был посвящен урок именитого филолога в челябинском физико-математическом лицее № 31.

Я работаю в Пушкинском Доме. Это Институт русской литературы при Российской академии наук. Может, вы даже знаете последнее законченное стихотворение Блока, написанное в 1921 году:

*Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!*

Пушкинский Дом был основан в 1905 году как место, где изучались рукописи Пушкина. Потом он разросся, и сейчас его штат составляет примерно 250 человек. Здесь представлена вся русская литература, начиная от XI века и заканчивая XXI веком. То есть исследуется литература десяти веков во всей ее полноте. Это самый большой и самый авторитетный центр по изучению русской литературы в мире.

Но сам я работаю с древнерусскими рукописями. Как вы себе их представляете внешне? Свитки? На самом деле свитки скорее исключение, древнерусские литературные тексты содержались в больших переплетенных книгах, на создание которых уходили месяцы упорного труда. Книги были товаром штучным, к тому же до XIII–XIV веков они писались не на бумаге, а на коже. Можете себе представить, что на создание солидной книги уходило стадо телят! Как это было дорого!

Дорог был и труд писца. Представляете — человек занимается производством книги месяцами, а если еще эта книга иллюминированная, то есть иллюстрированная?! Для каждого экземпляра все картинки рисовались

отдельно и специально. Было только два института, которые могли себе позволить создание книг, — это монастыри и княжеские скриптории.

Наконец настало время огласить первый парадокс, который, может быть, вас удивит: дело в том, что древнерусская литература — это не совсем литература. А если быть более точным — это совсем не литература...

Первое, что нужно запомнить в отношении средневековых текстов: там нет выдумки. Парадоксально звучит, но эта «литература» без выдумки. Нужно отдавать себе отчет, что это касается всех литератур христианского средневековья — и западных, и восточных. Вымысла не было — но что это значит? Что люди не выдумывали? Да люди одинаковы всегда: они выдумывают и сейчас, и раньше выдумывали... Разница лишь в том, что раньше установка делалась на то, что «написанное правда». И даже если кто-то присочинял какие-то вещи, то он делал это без стремления к сознательной фальсификации, а представлял, как «должно было бы быть». Еще одна особенность древних текстов заключалась в том, что иногда должное и сущее — то есть то, что должно быть и то, что существует, — различались.

Приведу пример: когда Иудея стала частью Римской империи, и Иосиф Флавий перешел на сторону Рима — он написал две потрясающие книги: «Иудейские древности» и «История Иудейской войны». Но в «Истории Иудейской войны» впоследствии вдруг появились вставки (было доказано, что именно вставки), где рассказывалось об Иисусе Христе. Была ли это позднейшая фальсификация? Вставки действительно были, а фальсификации — нет. А все потому, что, с точки зрения средневекового человека, если Иосиф жил

в то время — то он не мог не знать о Христе. Вот каким образом должное (он «должен» был это учесть, «должен» был об этом написать) путается с сущим (тем, что было).

В древней Руси не было вымышленных героев. Считаем ли мы ложью выдуманное произведение? Я выдумал текст, я выдумал роман — лжец ли я? Дмитрий Сергеевич Лихачев, выдающийся исследователь древнерусской литературы, говорил: «Для средневекового человека вымысел это ложь», а человек не должен говорить лживых вещей, не должен создавать новые сущности, которых не было. Вот в чем разница представлений о правде и лжи в Средневековье и современности.

Средневековая литература была, можно сказать, «литературой с установкой на правду». Строго говоря, выдумывать особых причин не было, поскольку беллетристики, повествования просто для развлечения, не существовало. Было чтение душеполезное. Люди очень хорошо знали Священное Писание, книги Ветхого и Нового заветов, поскольку они звучали на церковных службах, в интерпретациях священников, проповедников. И вся жизнь была проникнута стихией Священного Писания.

К примеру, итальянский исследователь Пиккио писал, что «даже летопись строилась как малое Священное Писание». Ведь что такое «летопись»? Одна моя студентка на такой примерно вопрос ответила: «Летопись — это дневник народа». Для чего пишется дневник? Для того чтобы его читал кто-то? Нет. Можно сказать, что «для памяти». Но во многом дневник пишется для того, чтобы разобраться, что, собственно, происходит. Эдакое «размышление на письме».

Великий Алексей Александрович Шахматов, исследователь летописей, говорил: «Рукой летописца водили политические страсти». Это, должно быть, скорее касалось более позднего периода, когда действительно рукой летописца водили многие страсти. Но в ранний период, и может наиболее интересный период Киевской Руси (XI–XIII веков), положение было немножко другим. Ну, зачем монаху описывать подробно, сравнивать с библейскими сюжетами события, происходившие на Руси? А затем, что летопись была неким отчетом перед Богом...

Я продолжу словами академика Лихачева. Он писал: «Летописец не указывает прагматических, то есть причинно-следственных связей не потому, что он их не видит, — он визионер высших связей». К примеру, если персонаж А оскорбил персонажа Б — и последовала ответная реакция, то для нас все понятно: вся совокупность отношений этими персонами ограничивается. Но не так для древнерусского человека, не так для летописца. Они воспринимают эту ситуацию не по горизонтали, а по вертикали. Человек оскорбляет небеса — и небеса его наказывают. А через кого — это уже третье дело. Вот в чем принципиальное отличие видения истории средневековой

от современной. Тогда видели главную причину, а подробности считались второстепенными и не описывались. Поэтому все древнерусские тексты писались «о главном».

На Руси бытовало то, что великий немецкий византист Карл Крумбахер впоследствии назвал «литературным коммунизмом». Все заимствовали друг у друга что хотели. Но с какой целью человек переписывает тексты своих предшественников? Чтобы создать прекрасный текст! Речь идет не только о летописях, которые включают предыдущие своды летописные, это понятно — но речь идет и о житиях, и о многих других жанрах. Допустим, о каком-то определенном святом, о котором мало или совсем ничего не известно. А житие написать нужно, когда канонизируют святого. Тогда надобно дать его жизнеописание. И как быть? Есть очень хороший выход: взять житие соименного ему святого. К примеру, Кирилл Белозерский — Кирилл Новоезерский. Ведь подобие в имени с точки зрения средневекового человека ведет к подобию в жизни, в поступках. По большому счету, небесному, эти люди похожи. С нашей «современной» точки зрения это почти фальсификация, почти ложь. Но с точки зрения этики средневековой — это не ложь, а правда в ее высшем измерении.

Я предпочитаю использовать два термина: «книжность» и «письменность». И древнерусская литература скорее относится ко второму варианту. Если ее и называть «литературой», то это литература «ножниц и клея». Оригинальных произведений очень мало, они состоят из кусочков предыдущих произведений. «Понравился текст — возьму, почему не использовать?» — таким методом руководствовались древние авторы. Поэтому тексты древнерусские часто шли по пути разрастания, расширения. В современном мире мы бы назвали это не иначе как плагиатом. Но не так было в Древней Руси: одной из важнейших черт средневековой литературы или письменности являлась ее анонимность. У этих текстов нет автора, за редким исключением. Автор брал у другого автора, но он был предельно честен — и он не подписывал эти тексты. Не подписывались и иконы. (Как правило, мы не знаем авторов икон, кроме, может, Андрея Рублева, Дионисия и еще нескольких человек). Воспринималось так, что не сам человек их придумал, а они были дарованы ему свыше. Эти иконы и тексты принадлежат Богу — и все произведения созданные — истинные. В Древней Руси, если возникали сомнения в истинности текста, — он запрещался. И циркулировали, читались и переписывались только истинные тексты, ведь они, так сказать, «соотносятся с небесами». И какое, в общем, право человек имеет подписывать своим именем такое произведение?

Мы установили, что в новых сочинениях по истории — сочинениях нового времени — единицей повествования

являются события. Одно событие рождает другое — и так далее. Но что является единицей повествования в летописи? Годы — «лета». В отличие от современности с ее причинно-следственными связями, связь между событиями в древности была временная. Это значит, что события выстраиваются не только в одном порядке, но и в одной логике. Порядок не изменишь, потому, что события связаны между собой во времени. Но давайте подумаем, что же такое «историческое событие»?

Историческое событие есть событие, которое повлияло на ход истории. К примеру: обратите внимание на одно событие из хроники Георгия Монаха (научное ее обозначение — Хроника Амартола) — это византийская хроника, которая была очень популярна на Руси. Автор описывает историю, которая произошла в Византии: шел путник с собакой по дороге. Ему на пути встретился разбойник, как это обычно бывает на больших дорогах. И этот разбойник его убил. Он его раздел — забрал одежду, вещи — и ушел. В Средневековье одежда стоила дорого, еда стоила дорого, жизнь была, так сказать, менее комфортной — и ради одежды могли даже убить. И вот собака осталась сторожить голое тело своего хозяина. А по дороге шел другой человек, и, как говорит хроника, он «был милосерден в душе своей». Он помолится о рабе Божьем, имени которого не знал, и закопал его тело. И собака, увидев добросердечие человека, избрала его своим новым хозяином и пошла за ним. А этот человек держал корчму при большой дороге. И собака стала жить в корчме. И вот в один из дней в корчму зашел убийца ее старого хозяина, он был пьян — и собака бросилась на него с лаем, «возбраняя ему войти». Он уходил, потом несколько раз возвращался — и собака всякий раз на него бросалась. И все знали, что сама собака довольно мирного нрава и заподозрили неладное. Все-таки в Средневековье умели улавливать истину, были средства для, так сказать, выяснения... Его прижали, и он рассказал, как однажды убил человека, встретившегося ему на дороге. Убийцу казнили...

На самом деле Средневековье было гораздо более милосердным временем, чем Новое время. Тогда казнили редко: могли отрубить руку, отрезать нос — но не казнить. Считалось, что жизнь человека священна, и отнимали жизнь в наказание только в исключительных случаях. Так что когда мы слово «Средневековье» используем как бранное слово, мол, «сейчас у нас просто Средневековье» — я как специалист по этому времени категорически возражаю. Средневековье к жизни и личности человека относилось гораздо более внимательно, чем сейчас. В Средневековье не было концлагерей и прочих страшных вещей — были свои ужасы, но, поверьте, они меркнут в сравнении с теми страшными эпизодами, которые мы пережили в XX веке.

Итак, мы возвращаемся к истории о человеке с собакой. Как вы думаете — это историческое событие? Нет.

Оно не повлияло на судьбу государства. Оно даже непонятно где происходило и в какое время. Но! Эта история включена в главу хроник Георгия Монаха об императоре византийском Льве IV и занимает три четверти этой главы. Все потому, что сама история имеет высокое духовное значение. Автор хотел показать, что даже тайное зло наказуемо! Для него это было важно — важнее, чем все события царствования императора. Ибо по большому счету, счету нравственности, счету небесному — все эти события и ситуации равны в своем значении. Вот такова особенность средневекового сознания. Средневековая жизнь — очень отлаженная, замкнутая в себе система, очень логичная. Не случайно, что она продолжалась столько веков...

Еще один сюжет. Для древнерусского человека, для средневекового человека очень было важно, чтобы говорились правильные вещи. Поэтому даже злодеи в таких текстах говорят правильные вещи. Злодей говорит, что он злодей. Вот представьте себе в нынешнем сериале, чтобы один из героев сказал «вот я такой Бандит Бандитович». Современный бандит всегда ищет какое-то оправдание. А древнерусский бандит прямо скажет о том, что он злодей. Или, допустим, враг, с которым сражаются, в древнерусских текстах, он и говорит, и ведет себя как враг. В знаменитом произведении «Казанская история» есть рассказ о том, как Иван Грозный брал Казань — Мамай обращается к своему войску: «Братья-измаиловичи, беззаконные агаряне!..» С точки зрения повествователя — это единственно возможное обозначение врага. И автор его обозначает именно так, вкладывает историческому персонажу в уста то, что, в общем, невозможно было услышать из уст настоящего Мамай. Эти замены текстов совершенно удивительны.

Есть еще один важный смысл, о котором необходимо знать, когда речь заходит о Древней Руси. Идея прогресса. Идея прогресса предполагает улучшение жизни. Так вот в Древней Руси этой идеи не было, там не верили в прогресс — и абсолютно правильно делали, если поразмыслить. Дело в том, что прогресс, как мы понимаем и который мы непосредственно видим, — существует только в технической сфере. Выражается в том, что мы говорим по мобильникам, летаем на самолетах, ездим на поездах. Но разве мы лучше древнерусских людей, разве мы умнее их? Нет. Прогресса, к сожалению большому, в нравственном отношении нет. Иначе бы в Германии после Гете не было бы Гитлера. Прогресса не существует — в этом были убеждены древнерусские люди. Более того, самой высокой точкой в мировой истории они считали воплощение Христа, а все остальное считалось удалением от этой точки.

Своеобразный ретроспективный взгляд: от высшей точки развитие идет по ниспадающей. И пока не закон-

чится. Наше прогрессистское мышление построено прямо противоположным образом — мы считаем, надеемся, что завтра будет лучше, чем сегодня. Мы пользуемся фразами типа «с высоты нашего времени». Никакой высоты нет — поверьте. Я хорошо знаю древнерусских людей, может быть, даже лучше, чем нынешних — потому, что многие годы, десятилетия читал больше древнерусских текстов, чем современных. Эти люди были не хуже нас уж точно. Есть ли нравственный прогресс? Возможно, он может быть в рамках отдельной жизни, но не в рамках жизни народа, истории. Дело в том, что народ не становится лучше со временем. Становиться лучше может только личность — и об этом нужно действительно хорошо помнить.

После того, как окончилось Средневековье, произошел настоящий взрыв в ментальной сфере, в сфере истории. Люди изменились — изменился их способ мышления. До этого Русь ориентировалась на Византию, которая нас крестила, дала нам литературу. Ведь громадное большинство текстов, которые обретались на Руси, были переводные — преимущественно византийские и греческие. Так в XVII веке начинается переориентация русской культуры — с Востока, которым была Византия, на Запад — западные переводы, западный стиль жизни. Без сомнения великая западно-христианская культура была чрезвычайно богатая, яркая. Но она очень отличалась от той культуры, свойственной Руси. Переход произошел бурно — особенно если взять царствование Петра I, который расправлялся с русской стариной с лютостью невероятной. Так что можно считать, что он был катализатором этого процесса. В связи с этой переориентацией в России возникла идея прогресса.

Из ответов на вопросы лиценстов

Сказать в точности, сколько всего сохранилось в наше время книг, относящихся к древнерусской литературе, я не могу. По одной простой причине: не все рукописные хранилища еще учтены и каталогизированы как следует. Но чтобы был понятен порядок — это наследие измеряется десятками тысяч рукописей, которые мы обрели преимущественно благодаря монастырским хранилищам. Рукописи передавались в библиотеки, поэтому основное место работы исследователя древнерусской литературы — рукописные отделы библиотек. Но рукописи еще будут находиться, это я могу обещать. Могут найти новое «Слово о полку Игореве»! Библиотеку Ивана Грозного считают мифом, такой туристической байкой, но кто его знает? Вдруг и ее обнаружат...

Кстати, немножко о «Слове» — оно уникально. Это самый нетипичный памятник древнерусской литературы. Оно не похоже на все, что было в Древней Руси. «Слово» — великий текст XII века! И это не подделка, как считают некоторые легкомысленные люди, хоть он очень не

похож на древнерусскую письменность. Типичных текстов в древней литературе было много: «Повесть временных лет» — в одном жанре, одном стиле повествования.

Другой стиль — все жития святых, переводные хроники. И я уже не говорю о богослужебных текстах. Или, например, книги высказываний мудрых, как Пчела, Измарагд. Древние собирали своды мудрых мыслей, что было одним из типичных средневековых занятий.

Эпоха Возрождения — очень сложная тема. Дмитрий Сергеевич Лихачев предложил термин «Предвозрождение» — период, который по каким-то причинам не перешел в Возрождение. А что касается Ивана Грозного, то к нему невозможно относиться однозначно — с одной стороны, с точки зрения христианина, он был злодеем. Это то самое «жуткое Средневековье», о котором принято говорить. Он убивал сотнями и тысячами! Но опять же — правление Грозного стоит разделить на два этапа: этап его злодеяний и этап некоторого «прозрения». Он же начал посылать поминания в монастыри, грамоты, в которых поминал всех им убиенных, «имена Бог-весть». Он даже не знал все эти имена. Вот такой массовый убийца Средневековья. Но с другой стороны, это был гениальный человек, писатель! Почитайте хотя бы его переписку с князем Курбским, почитайте его послания! Это был уникальный человек. В нем, по Пушкину, «гений и злодейство соединились».

Россия во многом словоцентрична. На Руси и в России все вертится вокруг Слова. И на Западе слово имеет огромное значение, но с такой полнотой и ответственностью там к слову не относились. Русское отношение к слову передалось Новому времени. Недавно мы с филологом Игорем Волгиным обсуждали ситуацию десятилетней давности, когда казалось, что молодые люди вообще ничего читать не будут. Думали, что они будут только играть в компьютерные игры. И максимум, что откроют — комикс. Но то было впечатление 90-х годов. Думаю, что эта яма уже позади.

Надежда на то, что чтение вернется на свои прежние позиции, очень велика. И вот почему: попробовали все — компьютер, игры, фейсбук — но чем отличается фейсбук от книги? Тем, что фейсбук говорит о сегодняшнем, о чем вы завтра даже не вспомните. А книга — она как летопись, в ней есть то, что имеет отношение к вечности. В ней самые животрепещущие темы, которые важны всегда, во все времена. И то, что вы найдете в книге, — вы не найдете нигде больше. Читайте тексты не только современные, читайте тексты житий — они более чем интересны. Я часто говорю своим студентам, что древние тексты гораздо интереснее Гарри Поттера — там такие приключения! И вообще — просто читайте. Это очень важное дело. Может быть, самое важное в жизни... **БК**